

JEL classification: J58, N34, P29
УДК 331(571)(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(3).430-452

Р.Е. Романов

*Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

Стимулирование труда рабочих сибирского военпрома (1941–1945 гг.): стратегии и практики

Аннотация. Статья посвящена выявлению совокупности трудовых стимулов рабочих оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Установлено, что в сфере закрепления кадров на военном производстве функционировали стратегии репрессивного принуждения и социального обеспечения персонала. В качестве мотивирующих практик применялись соответственно уголовные наказания и комплекс социально-бытовых мероприятий. В области повышения производительности труда в совокупности использовались стратегии денежного и натурального вознаграждения, идейного побуждения. Поощрительными практиками выступали стимулирующие системы заработной платы, приоритетное предоставление передовикам потребительских товаров и услуг, иерархия почетных званий и символические награды. Сделан вывод о том, в советской системе трудовой мотивации образца 1941–1945 гг. ведущее место занимали моральные стимулы, усиленные стахановскими натуральными «премиями».

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Сибирь, военпром, рабочие, стимулирование труда, стратегии, практики.

Информация о статье. Дата поступления 15 июня 2023 г.; дата принятия к печати 29 сентября 2023 г.; дата онлайн-размещения 6 октября 2023 г.

R.E. Romanov

*Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, the Russian Federation*

Stimulating the Labor of Workers in the Siberian Military Industry (1941–1945): Strategies and Practices

Abstract. The study identified labor incentives used for workers in the defense industry of Siberia during the Great Patriotic War. We found that in the sphere of personnel retention in military production, strategies of repressive coercion and social security of personnel functioned criminal punishments and a set of social and everyday activities were used as motivating practices, respectively. In the field of increasing labor productivity, strategies of monetary, rewards and ideological motivation were used in combination. Incentive practices included stimulating wage systems, priority provision of consumer goods and services to frontline workers, a hierarchy of honorary titles and symbolic awards. We concluded that in the Soviet system of labor motivation of the 1941–1945 model the moral incentives reinforced by Stakhanov's material "bonuses" were primarily used.

Keywords. The Great Patriotic War, Siberia, military industry, workers, labor stimulation, strategies, practices.

Article info. Received June 15, 2023; accepted September 29, 2023; available online October 6, 2023.

Постановка проблемы

Возникновение сто лет назад новой формы российской государственности — СССР, создало условия для практической реализации «Красного проекта». Краеугольным элементом нового мироустроительного проекта являлся социалистический индустриальный труд, с помощью которого большевики намеривались изменить природу человека. В связи с этим, на первый план выходит тема государственных стратегий и практик

стимулирования промышленных рабочих, направленных на создание советской системы трудовой мотивации. Высшая точка напряжения в данном процессе была достигнута в годы Великой Отечественной войны, когда СССР огромной ценой победил нацистскую Германию. Немалую роль в экономической победе над врагом сыграли работники военпрома Сибири, ставшего в основном следствием эвакуации 1941–1942 гг. В результате в регионе были скомплектованы десятки новых заводских коллективов, мобилизованных на выпуск вооружения и боеприпасов за счет разнообразных стимулов к занятости. В центре исследовательского поиска находится проблема комплексного изучения стратегий государственной политики в сфере стимулирования труда рабочих военпрома сибирского тыла.

Степень изученности темы

С середины 40-х гг. XX в. процессы стимулирования труда в годы войны являются неотъемлемым предметом отечественных историко-экономических исследований. До 1991 г. историки, анализируя морально-побудительные, материальные и социальные факторы трудового подвига рабочих, считали его главной «пружиной» политико-воспитательную деятельность коммунистической партии [1; 2]. В 1990-е гг. акценты сместились на изучение принудительно-репрессивной политики государства [3, с. 53–65; 4] и его социально-иерархических практик в сфере жизнеобеспечения населения [5]. В 2000–2010-е гг. одни исследователи характеризовали соотношение вознаграждения, побуждения и принуждения с акцентом на рассмотрение практик применения законов о труде от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. [6, с. 74–99; 7]. Другие – реконструировали общечеловеческие, традиционалистские и идеологические компоненты советской ментальности, послужившие предпосылками патриотической мобилизации 1941–1945 гг. [8; 9]. В целом феномен трудовой мотивации в годы войны

оценивался как результат действий власти или продукт народной психологии. Стоит отметить, что внешняя сторона рассматриваемой проблематики нашла фрагментарное отражение также в монографиях по истории сибирской тыловой оборонки [10; 11; 12]. В последнее время появились исследования о социокультурных типах мотивационных установок рабочих регионального военпрома в первой половине 1940-х гг. [13]. В то же время вопрос о комплексном анализе стратегий стимулирования оборонщиков как государственных институций в рассматриваемый период остается открытым.

Методология

Реализуемый в исследовании подход основан на авторском развитии теории Ч. и К. Тилли о трех мотивационных факторах [14] (табл.). В СССР вознаграждение, побуждение и принуждение закреплялись в государственных стратегиях и практиках удержания рабочих кадров и повышения их выработки на производстве. В данном случае под стратегиями понимается программное видение целевых установок, практик и ожидаемых результатов стимулирования промперсонала. Целью исследования является выявление исторического опыта реализации стратегических подходов советских хозяйственников к созданию трудовой мотивации у работников оборонной индустрии Сибири в 1941–1945 гг.

Сибирский военпром: производственная и кадровая динамика

Накануне Великой Отечественной войны в Сибири действовали восемь предприятий по выпуску боевых самолетов, снарядов, порохов, аккумуляторов для авиации и подводных лодок, как правило, находившихся в стадии строительства и налаживания серийного производства. Во втором полугодии 1941 — начале 1942 г. число оборонных заводов в регионе увеличилось до 77 [15, с. 54]. В дальнейшем за Уралом получили развитие авиа-

Стратегии и практики стимулирования рабочих промышленности СССР в 1941–1945 гг.

Фактор трудовой мотивации	Стратегии	Цель	Практики	Ожидаемый результат
Принуждение	«Ниже дисциплина — выше наказание»	Укрепление трудовой дисциплины и снижение текучести кадров	Уголовные наказания	Закрепление рабочих в военном производстве
Вознаграждение	«Лучше обеспечение — стабильнее кадры»	Увеличение выработки рабочих	Формы социального обеспечения	
	«Выше производительность — выше оплата»		Системы оплаты труда	Наращивание выпуска военной продукции
	Выше производительность — выше снабжение»		Формы нормированного снабжения	
Побуждение	«Выше производительность труда — выше слава»		Способы пропаганды	

и танкостроение, промышленность вооружения, минометного вооружения, боеприпасов, электропромышленность. За четыре военных года только в авиапроме и боеприпасной индустрии количество рабочих выросло с 18,5 до 98,8 тыс.¹. Основную массу производственников составляли бывшие домохозяйки, школьники, колхозники, эвакуанты, воспитанники детских домов и колоний, заключенные, депортанты, резервисты, освобожденные от службы в армии. В начале 1945 г. на комбинате № 179 Наркомата боеприпасов (НКБ) было занято 17 тыс. чел., в том числе с довоенным стажем — 2,8 тыс., трудомобили-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-7516. Оп.1. Д. 1396. Л. 16; Д. 1425. Л. 3, 4; Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2827. Л. 64, 65; Д. 2940. Л. 22, 41.

зованных (включая выпускников РУ и школ ФЗО) — 6,6 тыс., из числа спецконтингента (включая военнопленных и интернированных) — 5,2 тыс., прочих — 2,5 тыс.². Непосредственно у станков работали преимущественно женщины и молодежь, зачастую не имевшие довоенного стажа. Этот фактор в сочетании с суровой повседневностью тыловых городов оказывал существенное влияние на результативность стимулов труда сибирских оборонщиков.

Стратегии и практики закрепления кадров в военпроме: репрессивный и социальный подходы

К началу Великой Отечественной войны задача удержания рабочих в советской промышленности решалась за счет стратегий «Ниже дисциплина — выше наказание» и «Лучше обеспечение — стабильнее кадры». Стратегия принуждения реализовывалась посредством административных и уголовных наказаний (от выговора до исправительно-трудовых работ), социальной политики — строительства жилья, детсадов, организации страхования, лечения, обучения и отдыха промперсонала. На рубеже 1930–1940-х гг. в условиях обострения военной угрозы и кризиса снабжения большевики сделали ставку на возврат уголовных норм в законы о труде³. По указу Президиума Верховного Совета СССР (ПВС СССР) от 26 июня 1940 г. за прогулы полагались штрафы до 25 % от заработной платы и ИТР сроком до полугода, за самовольные уходы с предприятий — тюремное заключение от двух до четырех месяцев⁴. За первые полгода приме-

² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 11. Оп. 4а. Д. 201. Л. 33.

³ До 1917 г. самовольный отказ от работы на фабрике до истечения срока найма наказывался арестом не свыше одного месяца (Фабричный закон 1886 г. URL: <https://istmat.org/node/33970> (дата обращения: 24.01.2023)).

⁴ О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений : Указ Президиу-

нения нового законодательства на заводах и фабриках было осуждено 2091,3 тыс. чел., в том числе к принудительным работам и штрафам — 1 769,7 тыс. (84,6 %), к лишению свободы — 321,6 тыс. (15,4 %) [16, с. 76]. Реализация указа сопровождалась информационными кампаниями со стороны прессы, партийных, профсоюзных, прокурорских работников и фабрично-заводских администраций.

Масштабные репрессии привели к уменьшению масштабов девиантного поведения персонала оборонных предприятий, сооружавшихся в восточных районах страны. С 1 января по 26 июня 1940 г. в авиапроме Сибири было зафиксировано 1 760 прогулов, с 27 июня по 31 декабря — 496⁵. За август — декабрь 1940 г. на комбинате № 179 НКБ число установленных служебных проступков снизилось с 377 до 55. Статистика прогулов сократилась со 187 до 23 случаев, опозданий — со 143 до 29, самовольных уходов — с 47 до 3⁶. Эти тенденции получили распространение не только на локальном, но и отраслевом уровне. В первом полугодии 1940 г. в промышленности боеприпасов СССР насчитывалось 62,96 тыс. прогульщikov, во втором — 18,23 тыс.⁷. В январе — мае 1941 г. с заводов НКБ убыло 28,4 тыс. чел., в частности по незаконным причинам — 1,1 тыс. (3,9 %)⁸. Приведенные данные свидетельствовали об укреплении трудовой дисциплины в отраслях оборонно-промышленного комплекса.

Наряду с поворотом к принуждению, на базе новых военно-хозяйственных объектов создавалась комплексная социальная инфраструктура. В 1940 г. завод № 153 Наркомата авиационной промышленности построил 50 тыс. м² жилья. Завод № 335 НКАП возвел 14 жилых домов и барачков, школу и столовую. Комбинат № 179

ма Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 1.09.2022).

⁵ РГАЭ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2776. Л. 36, 42, 48.

⁶ Там же. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 149. Л. 58.

⁷ Там же. Д. 1290. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 1396. Л. 52.

НКБ осуществил строительство 115 жилых домов, восьми столовых на 1 800 мест, шести магазинов и трех детских яслей на 375 мест [10, с. 34]. Эти мероприятия также косвенно помогали сохранить квалифицированную рабочую силу на предприятиях стратегического значения.

В годы войны двухвекторная политика по закреплению индустриальных кадров получила дальнейшее развитие. Указом ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. стратегия принуждения была усилена переводом оборонщиков на положение мобилизованных. Сроки лишения свободы за труддезертирство с военных заводов составляли от пяти до восьми лет⁹. С выходом постановления Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) от 18 октября 1942 г. прогульщиков стали наказывать не только исправительно-трудовыми работами и удержаниями из заработка, но и урезанием суточного пайка на сто — двести грамм хлеба¹⁰. За 1941–1945 гг. к ИТР и штрафам были приговорены 5 529,5 тыс. чел. (73,7 %), к лишению свободы — 1 970,2 тыс. чел. (26,3 %), в том числе 836,9 тыс. дезертиров (11,15 %) [17, с. 32]. В целом за первую половину 1940-х гг. под маховик судебных репрессий попали не менее 7,5 млн рабочих и служащих.

Данные тенденции активно развивались в оборонной индустрии сибирского тыла. В 1942 г. ежемесячно с военных заводов Новосибирской и Омской области в судебно-следственные органы поступали от 7,0 до 7,7 тыс. дел на прогульщиков и дезертиров [18, с. 288]. Как и на общесоюзном уровне, виновники незаконной мобильности составляли менее половины всех нарушителей трудового законодательства. В сентябре — ноябре

⁹ Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 дек. 1941 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 1.09.2022).

¹⁰ О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленными товарами : Постановление СНК СССР от 18 окт. 1942 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 302–303.

1942 г. гарнизонные трибуналы Западной Сибири и Красноярского края осуждали каждый месяц примерно по 1,5 тыс. чел., самовольно ушедших из оборонных и угледобывающей отраслей¹¹. В последующие годы войны сложившаяся ситуация кардинально не изменилась. В 1944 г. на комбинате № 179 НКБ на принудительные работы с удержанием 25 % зарплаты и ста-двухсот грамм хлеба из пайка были отправлены 2 348 прогульщиков (65,5 %), в места заключения — 1 234 дезертира (34,5 %)¹². К концу военного времени на ведущих предприятиях сибирской оборонки наиболее строгие санкции применялись интенсивнее, чем в масштабах всей промышленности СССР¹³.

Ужесточение репрессий на хозяйственном фронте купировалось информационным «вакуумом» вокруг трудового законодательства, отсутствием нормального табельного учета персонала, долгим оформлением уголовных дел, низким процентом задержания дезертиров, высокой долей заочных приговоров. В условиях вовлечения трудмобилизованных женщин и молодежи в производство и снижения уровня жизни горожан эти проблемы затрудняли профилактику девиантного поведения рабочих. В 1942 г. в Красноярске на заводе № 327 Наркомата электропромышленности (НКЭП) было совершено 2 640 прогулов и самовольных уходов, в 1943 г. — 1 548. На заводе № 4 Наркомата вооружения (НКВ) в первом квартале 1943 г. насчитывалось 962 прогульщика и дезертира, во втором — 562, в третьем — 424, в четвертом — 320¹⁴. В январе — октябре 1942 г. в Новосибирске было зафиксировано 8,3 тыс. побегов с заводов и фабрик [19], 1943 г. — 20,0 тыс., 1944 г. — 10,2 тыс. [10,

¹¹ ГАНЮ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 36, 37.

¹² Там же. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 142. Л. 36, 37.

¹³ В 1944 г. доля труддезертиров, осужденных на пять-восемь лет лишения свободы, в целом по СССР составляла 20 % всех «указников».

¹⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 4. Д. 19. Л. 1, 145.

с. 322]. Уменьшение количества служебных проступков было вызвано введением продовольственных санкций за прогулы, активизацией мероприятий по разъяснению законов о труде и показательных судов над дезертирами. Эти меры породили страх среди некоторых работников, что позднее нашло отражение в их воспоминаниях в виде упоминаний об угрозе наказания за правонарушения [20]. После принятия постановления СНК СССР от 29 июня 1944 г. были приняты дополнительные действия по активизации розыска нарушителей трудовой дисциплины¹⁵. Но к концу года в бегах по-прежнему находились не менее 200 тыс. чел. [11, с. 196]. В итоге высшее руководство страны объявило амнистию беглецам, возвращавшимся обратно на производство.

Противоречивый исход репрессивной политики обуславливался не только ее функциональными недостатками, но и результатами осуществления стратегии социального обеспечения оборонщиков. В крупных тыловых городах СССР велось жилищное строительство для эвакуированного и трудмобилизованного населения. В 1941–1943 гг. на сибирских авиазаводах было возведено 84,5 тыс. м² жилья, в том числе за счет каркасно-засыпных бараков — 46 тыс. м² (54,4 %) [11, с. 246]. Несмотря на эти действия, на одного жильца приходилось в среднем 3–4 м² жилплощади [15, с. 310]. Наспех сооруженные жилые помещения отличались антисанитарными условиями и неполным коммунальным обслуживанием. К 1 января 1945 г. по данным пяти предприятий Новосибирска (включая два крупнейших) электроосвещением было охвачено 100,0 % жилфонда, центральным отоплением — от 7,3 до 53,8 %, водопроводом и канализацией — не более 47,2 и 35,7 %¹⁶. К концу войны все рабочие,

¹⁵ Об устранении недостатков Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 дек. 1941 г. : Постановление СНК СССР от 29 июня 1944 г. URL: <http://battle.volgadmin.ru/Documents/Trest/11.aspx> (дата обращения: 1.09.2022).

¹⁶ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12; Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 83. Л. 15; Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 18. Л. 64; Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.

проживавшие в заводских домах и бараках, получили возможность пользоваться лишь электричеством. Доступ к другим домашним удобствам оставался для них в значительной степени ограниченным.

Помимо сооружения жилья при военно-промышленных объектах открывались медицинские и детские учреждения. В 1942 г. на комбинате № 179 НКБ была учреждена поликлиника с квартальной сметой расходов на сумму 180,6 тыс. р. По ее штатному расписанию персонал предприятия бесплатно обслуживали 79 медработников, включая 26 врачей¹⁷. В это же время в каждом из детсадов «Сибметаллстроя» действовала интернатная группа, позволявшая работницам с малолетними детьми трудиться посменно. К 1944 г. величина бюджетных расходов в детских садах комбината достигла 819 тыс. р. (69,3 %), затрат родителей — 363 тыс. р. (31,7 %). Среднемесячная стоимость содержания одного ребенка составляла 43 р. 68 к. или 9,5 % от среднего заработка сибметаллстроевцев¹⁸. Вместе с тем каждое пятое место в детсадах оставалось незанятым, что свидетельствовало об отсутствии доступа к этой услуге для некоторых рабочих семей.

Руководители военного производства создавали сеть бытовых предприятий для жизнеобеспечения заводских коллективов. В 1942 г. на заводе № 4 НКВ были организованы мастерские по пошиву и починке одежды и обуви, ремонту мебели. В 1943 г. на его базе начала функционировать еще одна сапожная, ремонтно-жестяная, пимокатная, столярная мастерская. В течение года сапожники пошили 1 537 и отремонтировали 25 125 пар обуви [11, с. 272]. За 1943 г. пошивочная мастерская завода № 477 НКАП сшила 930 костюмов и 1 100 пар валенок¹⁹. Однако «кустари» не могли полностью удовлетворить потребительский спрос на дефицитные вещи. В 1944 г. на заводе № 4 НКВ в обуви нуждалось 5 376 чел., зим-

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 20. Л. 5, 6.

¹⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 141. Л. 16.

¹⁹ ГАКК. Ф. Р-1341. Оп. 1. Д. 35. Л. 27.

ней одежде — 3 879, № 580 НКБ — 645 и 475 чел., № 703 НКМВ — 475 и 390 чел.²⁰. В холодные месяцы эти проблемы порождали большое число прогулов, в теплые — дезертирство с предприятий²¹. Острые материально-бытовые лишения являлись краеугольной причиной, затруднявшей закрепление новых кадров в оборонной промышленности Сибири до конца войны.

Стратегии и практики повышения производительности труда: монетарный, витальный и героико-патриотический подходы

Накануне Великой Отечественной войны задача повышения выработки в советской промышленности решалась посредством стратегий «Выше производительность — выше оплата», «Выше производительность — выше снабжение», «Выше производительность — выше слава». Стратегия денежного вознаграждения реализовывалась за счет тарифных сеток и ставок, сдельных, прогрессивных и премиальных систем, натурального вознаграждения — выдачи передовикам вещевых премий, морального побуждения — почетных статусов и символических наград. По постановлению СНК СССР от 3 июля 1940 г. при переходе с 35 на 48-часовую трудовую неделю месячные оклады заводского персонала остались прежними²². В это время в индустрии на сдельной оплате находилось 72,5 % рабочих [21, с. 81]. Соцобязательства же имели 51,1 % производителей, звания «стахановца» или «ударника» — 29,6 % [22]. Многие из них формально относились к подобным инициативам, так как из-за кризиса снабжения не стремились к перевыполнению плана.

²⁰ ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 76.

²¹ В 1943 г. труд дезертиром был каждый пятый рабочий, бывший с предприятий НКБ СССР, в 1944 г. — каждый третий (РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1396. Л. 52).

²² О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 7-дневную рабочую неделю для рабочих и служащих, имевших 8-часовой рабочий день : Постановление СНК СССР от 3 июля 1940 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4257.htm (дата обращения: 10.01.2023).

Ослабление материальных стимулов персонала являлось одной из причин снижения темпов прироста производительности труда в оборонной индустрии в предвоенные годы. В 1937 г. выпуск изделий на одного советского самолетостроителя увеличился на 18,5 %, заработок — 6,5 % [23, с. 229], в 1940 г. — на 2,5 и 1,9 %²³. На фоне возникшего негативного тренда авиапром Сибири находился в еще более сложном положении. В 1939 г. на заводах № 125 и 153 НКАП выработка достигла 61,7 % от среднеотраслевого уровня, зарплата — 106,6 %²⁴. Несмотря на то, что в 1940 г. заработки сибирских авиастроителей почти сравнялись со средними по отрасли, проблема переплаты за малоэффективную производственную деятельность оставалась нерешенной. Одновременно с этим премии в виде ценных подарков получали отдельные, «знатные» передовики при наличии сравнительно широкой прослойки стахановцев и ударников²⁵.

В военные годы трехвекторная политика по поощрению наращивания выработки работников получила дальнейшее развитие. После введения в строй эвакуационных стратегия денежного вознаграждения воплощалась в восстановлении на производстве тарифной системы образца 1939–1940 гг. В военпроме Сибири функционировали семи- и восьмиразрядные сетки с диапазоном соответственно 1:3,3 и 1:3,2, 1:3,6²⁶. Факторами роста заработной платы являлись повышение ставок на 20 % при переходе на более высокий разряд, перевод персонала на сдельную оплату, применении прогрессивных и премиальных доплат за перевыполнение плана. С января по декабрь 1942 г. на заводе № 617 НКЭП доля сдельщиков выросла с

²³ Подсчитано по: ГАНО. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 36.

²⁴ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2750. Л. 101, 103; Д. 2776. Л. 42, 48.

²⁵ В начале 1940 г. доля стахановцев и ударников среди рабочих завода № 153 НКАП составляла 37 % (ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 904. Л. 45).

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 188. Л. 381, 387, 389.

19,0 до 61,2 %²⁷. В середине 1942 г. на комбинате № 179 НКБ данные показатели составляли от 60,0 до 80,0 %, в начале 1945 г. — 70,2 %²⁸. В 1944 г. в промышленности боеприпасов СССР на сдельщине находилось 59,3 % рабочих²⁹. При перевыполнении опытных норм расценки поднимались в полтора–два раза, расчетных норм — в два–четыре раза³⁰. За 1940–1944 гг. заработок самолетостроителей в целом по стране увеличился с 473 до 686 р., боеприпасников — с 410 до 606 р.³¹. В сибирской оборонке оплата труда росла более быстрыми темпами. В 1942 г. в авиапроме Новосибирска зарплата достигла 665 р., в боеприпасной индустрии — 572, в 1944 г. — 788 и 686 р. [10, с. 415–416]. Рост номинальной оплаты труда нивелировался усилением налогообложения и инфляции военного времени, вызвавших существенное снижение реальных доходов горожан, связанных с занятостью в производстве.

В условиях кризиса заработной платы произошла актуализация стратегии натурального вознаграждения. Осенью 1941 г. на предприятиях Сибири были введены карточные пайки, составлявшие для оборонщиков 800 г. хлеба (в сутки), 600 г. сахара и кондитерских изделий, 2 200 г. мяса и рыбы, 1 500 г. крупы и макарон, 600 г. жиров (в месяц)³². Эти потребительские нормы значительно превосходили продуктовую корзину других групп

²⁷ ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 3. Л. 168, 194.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 43, 65.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 43–44.

³¹ РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1396. Л. 16, 73; Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 36.

³² О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа : Постановление СНК СССР от 20 авг. 1941 г. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/408175/images> (дата обращения: 1.09.2022); О введении карточек в гг. Горьком, Свердловске, Молодове, Челябинске, Омске, Уфе, Казани, Куйбышеве, Чкалове, Новосибирске, Архангельске, Иваново, Ярославле, Кирове, Ижевске, Пензе, Саратове, Сталинграде, Вологде и Воронеже : Постановление СНК СССР от 19 октября 1941 г. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/408251/images> (дата обращения: 1.09.2022).

горожан, что позволило привлечь на военные заводы новые рабочие руки. В дальнейшем принцип неравенства в снабжении использовался как один из способов интенсификации труда. С мая 1942 г. стахановцы могли претендовать на 100–200-граммовые надбавки к хлебным пайкам. По постановлению СНК СССР от 18 октября 1942 г. основные потребительские товары и бытовые услуги перераспределялись в пользу добросовестных тружеников³³. На заводе № 153 НКАП трехсотники и многосотники получали право на дополнительное горячее питание, первоочередное приобретение продуктов и вещей в заводских магазинах, обслуживание в пошивочных мастерских³⁴. В 1943 г. на заводе № 29 НКАП за планомерное выполнение месячного графика передовикам предоставлялись 200 г. хлеба без карточки и два талона на вторые обеды (ежесуточно), талон на промтовары, приоритетное бытовое и культурное обслуживание (ежемесячно)³⁵. В 1944 г. на комбинате № 179 НКБ цехам, победившим в соцсоревновании, выдавались от 750 до 4 500 кг семенного картофеля, от 150 до 1 500 кг рыбы, от двух до 15 поросят³⁶. Натуральные поощрения полагались не только стахановской элите, но и представителям приоритетных специальностей. К началу 1945 г. в СССР дополнительным питанием были охвачены 60–70 % рабочих ведущих профессий [24, с. 132]. Преимущества в продовольственном и вещевом обеспечении ослаблялись дефицитом, организационными сбоями, воровством и махинациями в системе распределения, приводившими к недоотовариванию карточек и талонов.

Данные проблемы частично компенсировались стратегией морального побуждения, предусматривавшей раз-

³³ О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленными товарами : Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 302–303.

³⁴ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 956. Л. 65.

³⁵ ГАРФ. Р-7678. Оп. 6. Д. 119. Л. 9, 11, 52.

³⁶ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

витие иерархии престижных статусов и символических наград. В годы войны в сибирской оборонке получили распространение движения «двухсотников», «многосотников», «тысячников», «двадцатников», «многостаночников», «совместителей профессий», «комсомольско-молодежных бригад». Наиболее статусные позиции в среде трудящихся занимали «стахановцы военного времени», «лучшие рабочие по профессии», «гвардейцы тыла», руководители «фронтовых» и «гвардейских» бригад, отличавшиеся высокими количественными и качественными показателями работы. Интенсификация труда стимулировалась публичными мероприятиями (собрания, митинги, лектории, взятие соцобязательств и т.д.), средствами массовой информации (пресса и радио), наглядной агитацией (лозунги, плакаты, доски почета, стахановские галереи и т.п.), наградной атрибутикой (ордена и медали, переходящие красные знамена и выпеллы). С 1 января 1940 г. по 1 января 1945 г. доля индустриальных работников СССР, выполнявших соцобязательства, выросла с 51,2 до 84,2 % [1, с. 364]. На ведущих оборонных предприятиях Сибири этот показатель превышал общесоюзный уровень. В середине 1942 г. на заводе № 166 НКАП в соцсоревновании участвовали 82 % рабочей молодежи³⁷. В начале 1943 г. на комбинате № 179 НКБ соревновались 50,6 % боеприпасников, в начале 1944 г. — 89,1 %, в начале 1945 г. — 96,6%³⁸. Эффективность внедрения моральных стимулов в заводские коллективы зависела от организации производства, подготовки кадров, интенсивности агитации и неравенства в снабжении.

Решение этих задач в сибирском военпроме способствовало поступательному подъему выпуска продукции для фронта. В 1942–1944 гг. в Новосибирске среднемесячная выработка одного авиастроителя выросла на 109,1 %, зарплата — 18,5 %, боеприпасника — 67,5 и 19,9 %, элек-

³⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 6. Д. 22. Л. 55.

³⁸ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 142. Л. 34.

тропромышленника — 83,4 и 24,5 % [10, с. 415–416]. Опе-режающий рост производительности обеспечивался технологической модернизацией, повышением квали-фикации новых кадров, активизацией пропаганды тру-довых подвигов юношей и девушек. В меньшей степени этот результат достигался за счет поощрения передо-виков дополнительным питанием, продуктовыми и ве-щевыми премиями. В конце 1942 г. в промышленности Сибири стахановцами и ударниками являлись от 18,9 от 38,4 % молодых рабочих³⁹. В середине 1944 г. юные про-изводственники с почетными званиями в Новосибирске и Томске составляли не менее 60 %⁴⁰. В воспоминаниях ветеранов оборонных заводов региона прослеживалась тесная связь между высокопроизводительным трудом и борьбой молодежных бригад за звания «фронтовых» и «гвардейских» [25]. В военное время практики агитпро-па сыграли основную роль в побуждении новых кадров оборонщиков к выполнению и перевыполнению планов по изготовлению вооружения и боеприпасов⁴¹.

Выводы

В годы Великой Отечественной войны в оборонной индустрии сибирского тыла была создана и получила раз-витие многовариантивная система мотивации к труду. Эта система приводилась в действие в ходе реализации пяти государственных стратегий по стимулированию промпер-сонала в рассматриваемый период. Для закрепления рабо-чих кадров на военном производстве в восточных районах СССР советское государство проводило противоречивую бинарную политику. Стратегия «Ниже дисциплина — выше наказание» осуществлялась в основном с помощью

³⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 58. Л. 128; ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 962. Л. 87.

⁴⁰ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 962. Л. 87.

⁴¹ В 1942 г. из 17 оборонных предприятий Новосибирска го-довые производственные планы выполнили и перевыполнили де-вать, в 1943 г. — семь, в 1944 г. — 12 (ГАНО. Ф. П-22. Оп.3. Д. 1770. Л. 84).

практик уголовно-репрессивного принуждения, направленных на жесткое ограничение трудовых перемещений занятого населения. Несмотря на некоторое укрепление дисциплины на оборонных предприятиях Сибири, тотального контроля над мобильностью рабочих с помощью репрессий добиться не удалось. Главной причиной этой неудачи являлось неэффективная в условиях военного времени реализация стратегии «Лучше соцобеспечение — стабильнее кадры». Комплекс социально-бытовых мероприятий не способствовал качественному улучшению повседневной жизни заводских коллективов, что затрудняло вырабатывание у многих тружеников тыла устойчивой мотивации к занятости на одном месте работы.

С целью наращивания выпуска продукции в сибирском военпроме государственная власть использовала тринарный подход к решению актуальной задачи. Стратегия «Выше производительность — выше оплата» функционировала благодаря практикам монетарного вознаграждения, нацеленным на повышение продуктивности индустриального труда. С учетом пертурбационных факторов она была усилена стратегией «Выше производительность — выше снабжение», дополнявшей денежные стимулы распределением витальных ресурсов по результатам производственной деятельности трудящихся. Невысокая эффективность материальных поощрений обусловила превалирующее влияние на стимулирование роста выработки стратегии «Выше производительность — выше слава». Именно рычаги идейного побуждения главным образом обеспечили формирование у абсолютного большинства новой рабочей массы мотивационных установок к перевыполнению фронтовых заданий. В то же время не стоит полностью сбрасывать со счетов редистрибутивные практики, отдававшие приоритет в физическом выживании элитным группам производителей. Натуральные стахановские «премии» являлись важным дополнением к моральным стимулам, занимавшим ведущее место в советской системе мотивации труда образца 1941–1945 гг.

Список использованной литературы

1. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны / А.В. Митрофанова. — Москва : Наука, 1971. — 525 с.
2. Рабочий класс в период упрочения и развития социализма / под ред. А.П. Окладникова. — Новосибирск : Наука, 1984. — 376 с.
3. Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Оборонны: методы мобилизации трудовых ресурсов / П.Н. Кнышевский // Вопросы истории. — 1994. — № 2. — С. 53–65.
4. Данилов В.Н. Война и власть: чрезвычайные органы регионов России в годы Великой Отечественной войны / В.Н. Данилов. — Саратов : Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996. — 391 с.
5. Шалак А.В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / А.В. Шалак. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. экон. акад., 1998. — 183 с. — EDN WJVKNT.
6. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х — середина 1950-х гг.) / А.К. Соколов. — EDN YGDOLV // Экономическая история. Ежегодник. — 2004. — Т. 2003. — С. 74–99.
7. Прибыткова К.П. Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940-е — 1980-е гг. / К.П. Прибыткова. — Барнаул : Азбука, 2019. — 363 с.
8. Козлов Н.Д. С волей к Победе. Пропаганда и общественное сознание в годы Великой Отечественной войны / Н.Д. Козлов. — Санкт-Петербург : Ленингр. гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина, 2002. — 312 с.
9. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной / В.А. Сомов. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — 175 с.
10. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны / И.М. Савицкий. — Новосибирск : ИИ СО РАН, 2005. — 449 с.
11. Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны / В.Н. Шевченко. — Красноярск : Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2008. — 447 с. — EDN QSQECX.
12. Шевченко В.Н. История создания и деятельности оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / В.Н. Шевченко. — Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2017. — 317 с.

13. Романов Р.Е. Многоликие «бойцы тыла»: социокультурные типы мотивации труда рабочих в годы Великой Отечественной войны / Р.Е. Романов. — DOI 10.31518/2618-9100-2022-6-7. — EDN MKMUEF // Исторический курьер. — 2022. — № 6. — С. 98–109.

14. Tilly Ch. Work under capitalism / Ch. Tilly, K. Tilly. — Oxford : Westview Press, 1998. — 326 p.

15. Букин С.С. Рабочая молодежь оборонных предприятий Сибири (1941–1945) / С.С. Букин, Р.Е. Романов. — Новосибирск : Параллель, 2012. — 430 с. — EDN TGJYGZ.

16. Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. / С.А. Папков. — EDN YRGWJF // Вопросы истории. — 2011. — № 12. — С. 72–80.

17. Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией / В.Н. Земсков // Политическое просвещение. — 2014. — № 2(79). — С. 104–114.

18. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири / С.А. Папков. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 440 с.

19. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны : сб. док. / сост. О.К. Кавцевич. — Новосибирск : Гос. арх. Новосиб. обл., 2005. — С. 874 с.

20. Обожгла наше детство война. Сборник воспоминаний детей военного времени / ред. С. И. Вишневыский. — Омск : Изд-во Союза пенсионеров России по Омской обл., 2010. — 256 с. — EDN QPQLBZ.

21. Постников С.П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С.П. Постников, М.А. Фельдман. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 367 с. — EDN QPKSUP.

22. Индустриализация СССР. Т. 4. История индустриализации СССР. 1938–1941 гг. : документы и материалы / сост. З. К. Звездин, И. И. Белоносов, М. Ф. Залого [и др.]. — Москва : Наука, 1973. — 424 с.

23. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в 1921–1941 гг. / М.Ю. Мухин. — Москва : Наука, 2006. — 320 с.

24. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И.Б. Орлов. — Москва : ГУ-ВШЭ, 2010. — 317 с.

25. Букин С.С. Долга на земле не имею. Рассказывают ветераны / С. С. Букин // Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. — Новосибирск : Изд-во. Институт истории СО РАН, 2001. — 111 с. — EDN WQAZKV

References

1. Mitrofanova A.V. *The working class of the USSR during the Great Patriotic War*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 525 p.
2. Okladnikov A.P. (ed.). *The working class during the period of consolidation and development of socialism*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 376 p.
3. Knyshevskii P.N. State Defense Committee: methods of mobilizing labor resources. *Voprosy istorii = Issues of History*, 1994, no. 2, pp. 53–65.
4. Danilov V.N. *War and power: emergency authorities of Russian regions during the Great Patriotic War*. Saratov, Povolzhckii fil. Ros. ucheb. tsentra Publ., 1996. 391 p.
5. Shalak A.V. *Living conditions and way of life of the population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Irkutsk State Economics Academy Publ., 1998. 183 p. EDN: WJVKNT.
6. Sokolov A.K. *Labor Coercion in Soviet Industry and its Crisis: The End of the 1930s to the Mid 1950s*. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. = Economic History: a Yearbook*, 2004, vol. 2003, pp. 74–99. EDN: YGDOLV.
7. Pribytkova K.P. *Labor motivation in the industry of the Altai Territory in the 1940s – 1980s*. Barnaul, Azbuka Publ., 2019. 363 p.
8. Kozlov N.D. *With the will to Victory. Propaganda and everyday consciousness during the Great Patriotic War*. Saint Petersburg, A. S. Pushkin Leningrad State University Publ., 2002. 312 p.
9. Somov V.A. *First Soviet Generation: Experiment by War*. Moskva, AIRO-XXI Publ., 2015. 175 p.
10. Savitskii I.M. *The most important arsenal of Siberia. Development of the defense industry of the New Siberian region during the Great Patriotic War*. Novosibirsk, Institute of history SB RAS Publ., 2005. 449 p.
11. Shevchenko V.N. *Siberian Arsenal of Victory: formation and development of the defense industry of Siberia during the Great Patriotic War*. Krasnoyarsk state agrarian university Publ., 2008. 447 p. EDN: QSQECX.
12. Shevchenko V.N. *History of the creation and activities of the defense industry of Siberia during the Great Patriotic War. 1941–1945*. Krasnoyarsk state agrarian university Publ., 2017. 317 p.
13. Romanov R.E. The Many-Faced Fighters of the Rear: Socio-Cultural Types of Motivation of Workers During the Great Patriotic War. *Istoricheskii kur'er = Historical Courier*, 2022, no. 6, pp. 98–109. EDN: MKMUEF. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-6-7.
14. Tilly Ch., Tilly K. *Work under capitalism*. Oxford, Westview Press, 1998. 326 p.

15. Bukin S.S., Romanov R.E. *Working youth of defense enterprises of Siberia (1941–1945)*. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2012. 430 p. EDN: TGJYGZ.

16. Papkov S.A. Punitive justice on the labor front in the USSR in 1941–1945. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2011, no. 12, pp. 72–80. EDN: YRGWJF.

17. mZemskov V.N. Organization of the workforce and tightening of labor legislation during the years of the war with Nazi Germany. *Politicheskoe prosveshchenie = Political education*, 2014, no. 2, pp. 104–114.

18. Papkov S.A. *Ordinary terror. The politics of Stalinism in Siberia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 440 p.

19. Kavtsevich O.K. (ed.). *Defense industry of the Novosibirsk region during the Great Patriotic War*. Novosibirsk, State Archive of the Novosibirsk Region Publ., 2005. 874 p.

20. Vishnevskii S. I. (ed.). *The war burned our childhood. A collection of wartime children's memories*. Omsk, Union of Pensioners of Russia in the Omsk region Publ., 2010. 256 p. EDN: QPQLBZ.

21. mPostnikov S.P., Fel'dman M.A. *The sociocultural appearance of industrial workers in Russia in 1900–1941*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 367 p. EDN: QPKSUP.

22. Zvezdin Z.K., Belonosov I.I., Zaloga M.F. (eds.). *Industrialization of the USSR. T. 4. History of industrialization of the USSR. 1938–1941*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 424 p.

23. Mukhin M.Yu. *Soviet aircraft industry in 1921–1941*. Moskva, Nauka Publ., 2006. 320 p.

24. Orlov I.B. *Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Its Formation*. Moscow, Higher School of Economics State University Publ., 2010. 317 p.

25. Bukin S.S. I have no debt on the Earth. Veterans speak. The Iskra plant during the Great Patriotic War. Historical sketch and memoirs of the veteran. Novosibirsk, Institute of history SB RAS Publ., 2001. 111 p. EDN: WQAZKV.

Информация об авторе

Романов Роман Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории социально-экономического развития, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: rromanov1981@mail.ru. 0000-0001-9527-8037; SPIN-код: 3925-6262; AuthorID ИИНЦ: 616919.

Author

Roman E. Romanov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Department of History of Social and Economic Development, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, the Russian Federation; e-mail: rromanov1981@mail.ru. 0000-0001-9527-8037; SPIN-Code: 3925-6262; AuthorID RSCI: 616919.

Для цитирования

Романов Р.Е. Стимулирование труда рабочих сибирского военпрома (1941–1945 гг.): стратегии и практики / Р.Е. Романов. — DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(3).430-452 // Историко-экономические исследования. — 2023. — Т. 24, № 3. — С. 430–452.

For Citation

Bespalko D.N. Stimulating the Labor of Workers in the Siberian Military Industry (1941–1945): Strategies and Practices. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2023, vol. 24, no. 3, pp. 430–452. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2023.24(3).430-452.